

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Один из трех наиболее выдающихся арабских поэтов X — XI в.в., **Ибн-Хамдис**¹⁾, родившийся в Сицилии в 1052 г. во время арабского господства (827 — 1071), покинул свою родину после завоевания ее норманнами, на которых современные ему арабы смотрели как на «некультурных варваров». В 1078 г. **Ибн-Хамдис** нашел себе приют в Севилье, у местного князя-поэта ал-Му'тамида (1068 — 1091)²⁾, вокруг которого тогда образовался тесный литературный кружок. Один из его представителей, поэт **Ибн-Азмар**, был везиром ал-Му'тамида, который иногда передевался и совершал вместе с ним ночные прогулки по Севилье, напоминая всем известный образ халифа Харуна-ар-Рашида из «Тысяча и одной ночи».

Когда в 1090 г. призванный ал-Му'таmidом на помощь против христиан мароккский **Алморавид Юсуф** завладел его княжеством и заточил его в африканский замок **Агмат**, где несчастный пленник окончил свои дни (1095), **Ибн-Хамдис** последовал за ним в северную Африку и утешал его своими стихотворениями. Вдвойне изгнанник, он доживал свой век при дворах **Зайридов** и **Хаммадидов**, в **Тунисе** и **Биджае** (Bougie). Ниже дан перевод начала его оды, посвященной одному из **Зайридов**, **Яхье ибн-Темиму** (1108 — 1116). Ослепнув под конец жизни, он умер в 1133 г. и погребен на острове **Майорке**, рядом с другим испано-арабским поэтом, **Ибн-Лаббаной**. О темах его стихотворений можно судить по характеристике, которую он дает своим талантам в следующей песне:

1. Они говорят: «Не силен ты в сатире!»³⁾.
 «Но в оде я мастер!» — скажу я в ответ.
 Мне молвят: «Ты жаждешь награды, не так ли?»
 О, это, клянусь, не напрасный навет!

¹⁾ Сведения о нем и переводы его стихотворений можно найти на немецком языке в книге **A. F. von Schack'a**: «Poesie und Kunst der Araber in Spanien und Sicilien» t. II (Berlin 1865), стр. 15 — 33.

²⁾ О нем там же, т. I, стр. 254 — 297.

³⁾ Il Canzoniere di Ibn Hamdis, pubblicato da Celestino Schiaparelli. Roma 1897.

Спрошу о сравнениях, — мне скажут: «Прекрасны».
 «А образы жен?» — «Поридать их не след!»
 «Ступайте! Вот мне извиненье, в котором
 Арена для истины не тесная, нет!
 В речах у прекрасных — язык целомудрен,
 В речах у порочных — распутство бесед.
 Мечом языка моего мусульманин
 Ни ранен не будет во век, ни задет».

Начало его оды в честь названного выше князя Зайрида посвящено вину. Это не должно смущать европейских читателей, ибо традиция требовала от поэта, чтобы он начинал или с воспоминания о своей любви к женщине ¹⁾, или с описания своего путешествия на верблюде через пустыню ²⁾, или же с винной темы, а иногда и с того и другого вместе, чтобы потом перейти к оде в нашем смысле слова. Восхваление князя или своего племени было целью поэта (по-арабски касд), и поэтому такая песня носит название касыды. В переводе приводится только та часть, которую поэт посвящает вину.

II.

Не звезда ли то пронзает мрак ночной? ³⁾
 Не светильник ли, чье пламя — соф хмельной?
 Не невеста ль на престоле рук моих,
 В нитке пены, разукрашена игрой?
 Друг душевный! Дуновенья ветерка
 Холодеют... Утро близко... Друг родной,
 Наслаждайся жизнью, прежде чем ее
 Чистоте покрыться мусором — бедой!
 Наступает время, чтоб своим «хвостом»
 На рассвете «волк» ударил ⁴⁾ свет с зарей.
 Чашу ночи вокруг пусты под кровлей тьмы
 (Из прорывов в ней сияет свет ночной)
 Иль при молнии смеющихся небес
 И при тучах, истекающих слезой.
 Охмелея весь сад, и птицы все поют;
 Не запляшут ли тростинки над водой?
 Дай жемчужину, в которой яхонт скрыт;
 Плоть воды возьми с пылающей душой.
 Если б камень наполнил тем питьем,
 Он покрылся бы веселия листвою.

¹⁾ По арабски эта часть называлась «несиб»; в предыдущем стихотворении этот термин мною переведен: «образы жен».

²⁾ Литературная традиция была настолько сильна, что даже в Испании, где пустынь не было, и в Сицилии, где не было верблюдов, поэты все же не отступали от нее. Примером могут служить некоторые песни Ибн-Хамдуса, здесь не переведенные.

³⁾ Диван, ed. Schiaparelli, № 33.

⁴⁾ Игра слов. По арабски первые лучи зари называются «хвостом волка».

С седной вино на гроздьях родилось,
 Но, состарившись, рассталось с седной.
 А взволнуешь его примесью — оно
 Серебро струит по влаге золотой.
 Винодела продавец его не знал.
 Мнится истина о нем — неправдой злой.
 В полой амфоре хранилось много лет,
 Полной крови виноградной и хмельной,
 Положившей руки на свои бока
 И стоящей, и сидящей ¹⁾, и прямой.
 Наслаждение схоронили в нем живьем.
 Век, придя к нему, ушел своей стезей.
 Кладом счел его мой друг, но понял все
 В миг, когда явило носу запах свой.
 Кубок дал он; я сказал: «Вот мать веков;
 Или это дочь, рожденная лозой?»
 Душу тянет дух его; хоть тоньше то,
 Что влечению подвержено порой.
 Странно мертвых нападение на живых:
 Я убит им, хоть оно убито мной.
 Как его напору не сразить меня,
 Если в жилах, если в венах винный зной?
 Я красавцу так скажу, когда ему
 Пить дадут: «Поглощена звезда луной».
 Кравчий сок смешал с потоком дождевым,
 Напоил меня излишком влаги той;
 И во рту смешались воды уст и лоз
 Из его бокалов с облачной водой.

Далее поэт очень искусно переходит к самой оде. Он говорит, что красавец-виночерпий запекает мелодию в честь того Яхьи, дед которого, Муизз... и т. д. Начинается прославление деда и отца, а затем и самого Яхьи, его щедрости и воинских доблестей.

Более близки европейскому читателю мелкие стихотворения Ибн-Хамдуса. [Первое из них является описанием свечи в форме загадки ²⁾.

III. Над воткнутом в землю копьем восковым ³⁾
 Из пламени дротик блестит отлитой.
 Огнем сожигается тело его,
 А глаз его плачет слезой золотой.

¹⁾ Амфора кажется стоящей вследствие своей прямой формы, а «сидит» она на своем доньшке.

²⁾ Такие загадки о свече есть уже у ал-Ва'ва арабского поэта X в., диван которого переведен полностью на русский язык И. Ю. Крачковским в его книге «Абу-л-Фарадж ал-Ва'ва Дамасский» (Пгд. 1914) — ср. перевод №№ 23, 155, 164, 191, 222.

³⁾ Диван, ed. Schiaparelli, № 21.

Приходит во мгле его свет; так любовь
 Является гневу на смену порой.
 Мне странно, что дух ¹⁾, пожирающий плоть ²⁾,
 Стремится погибнуть с ней смертью одной.

В другом рисуется картина ручья:

IV. Одета «сущность» его в «случайный» ряби наряд. ³⁾
 Ползет он — точно змея, и зыбь на нем — как узор.
 А поскользнутся на нем копыта ветра, — ты мнишь:
 Он — плоский меч; и череда полосок теплит твой взор.
 Когда достиг я его, склонялись звезды небес.
 Как непанизованный жемчуг сыплется на ковер.
 В закат вонзились всегда — разящие острия;
 Те копыта — звезды, когда ты их рассмотришь в упор.
 Восток несет философский камень солнца в руке;
 Меняет в золото он воды серебристый убор.

После прочтения этой пьесы вполне понятным станет нам обвинение в некультурности, направляемое «книжниками» арабами против тогдашнего западного мира. Вряд ли западно-европейский поэт XI—XII в.в. стал бы намекать в своих стихах на философские термины «сущность» (субстанция) и «случайность» (акциденция), вряд ли он сравнил бы солнце с философским камнем, так удачно воспользовавшись его действием для создания желаемой световой картины.

Приводимая последнею пьеса написана отчасти в подражание известному «Дон Жуану» из Мекки, поэту Омару Ибн-Абу-Реби'е (род. в 644 г., умер в первой четверти VIII в. нашей эры), образцы стихотворений которого переводчик предполагает дать в ближайшем будущем. Перевод этого последнего стихотворения сделан белыми стихами, несогласно с подлинником ⁴⁾, но, как и в предыдущих образцах, в размере арабского оригинала ⁵⁾.

V. Расплавил сердце мне упреком своим ты, друг. ⁶⁾
 С влюбленным не стала б ты резка, полюбив сама.

¹⁾ Т. е. огонь.

²⁾ Т. е. воск.

³⁾ Диван, ed. Schiaparelli. № 22.

⁴⁾ В оригинале, как и в предыдущих переводах, одна рифма проходит через все стихотворение, при чем благодаря этому получается возможность в собрании стихотворений поэта располагать их в алфавитном порядке рифм. Таким образом, наши предыдущие образцы попали бы в русском полном переводе под буквы: й (№ II и III)-р (№ IV) и т (№ I). Такое полное собрание стихотворений арабского поэта, расположенное в алфавитном порядке рифм, носит название дивана поэта.

⁵⁾ Размер пьес I и III называется по арабски «мутакариб» и соответствует нашему амфибрахию, размер II — «ремель» — может быть передан хорейми (или III пеонами), наконец размер IV (басит) и V (тавиль) имеют эквиваленты только в новейшей поэзии в так называемых задержанных трехдольниках (ср. у А. А. Блока, Стихотворения, книга первая, 4-ое изд., стр. 138 «Когда святого забвенья»...). Цезура в этих двух размерах в арабском оригинале отсутствует.

⁶⁾ Диван № 14.

Сразилась со мной ты меж красавиц. Их облик весь
Воссоздан у нас в сердцах очами, что видят их.
Живая! Но взор ее скрывает для нас судьбу;
Ведь смерти бояться мы должны с острия мечей.
О муках любви я ей поведал; но, обратясь
К подругам, спросила их: — «А муки любви сильны?»
Ей молвила: — «Знала б ты мучения те сама,
Ты жаждущему дала б испить сладкой влаги губ».
Любовь пусть хранит тебя; и бед не вкушай ее!
Но может ли винный сок не пивших еще пьянить?

Перевел с арабского

В. Эберман

